

Циркин Ю.Б.

Император Тацит

[Stable URL: <http://elar.uniyar.ac.ru/jspui/handle/123456789/1663>]

[Публикация работы:]

Циркин Ю.Б. 2009: Император Тацит // Studia historica. IX. 124-137.

НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ
ЦЕНТР АНТИКОВЕДЕНИЯ
ЯРОСЛАВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ИМ. П.Г. ДЕМИДОВА
ЯРОСЛАВЛЬ, РОССИЯ

THE SCIENTIFIC & EDUCATIONAL
CENTRE FOR CLASSICAL STUDIES
AT YAROSLAVL DEMIDOV STATE UNIVERSITY
YAROSLAVL, RUSSIA

DAS WISSENSCHAFTLICHEN FORSCHUNGS- UND
STUDIENZENTRUM FÜR DIE GESCHICHTE,
KULTUR UND RECHT DER ANTIKE
DER STAATLICHEN DEMIDOW-UNIVERSITÄT JAROSLAWL
YAROSLAWL, RUSSLAND

РОССИЙСКАЯ АССОЦИАЦИЯ
АНТИКОВЕДОВ
RUSSIAN SOCIETY OF CLASSICAL STUDIES

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ И
ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ФОНД
«ЦЕНТР ИЗУЧЕНИЯ РИМСКОГО ПРАВА»
ЯРОСЛАВСКИЙ ФИЛИАЛ
THE RESEARCH AND EDUCATIONAL FOUNDATION
“THE CENTRE FOR ROMAN LAW STUDIES”
YAROSLAVL BRANCH

ЯРОСЛАВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМ. П.Г. ДЕМИДОВА
YAROSLAVL DEMIDOV STATE UNIVERSITY

ИМПЕРАТОР ТАЦИТ

Принципат как политическая система был основан на интегральном единстве монархических и полисно-республиканских элементов. Воплощением последних, как и вообще преемственности римского государства в целом, являлся сенат. Естественная эволюция принципата вела ко всё большему возрастанию роли императора в ущерб сенату. Попытка сената при благоприятных обстоятельствах, сложившихся в 238 г., взять реванш провалилась¹. Реформа Галлиена, лишившего сенаторов права командовать армией (Aur. Vict. 33; 34; 37.6), ещё более уменьшила реальную роль сената². Политика дипломатичного Клавдия II и более откровенно деспотичного Аврелиана не давала возможности сенаторам вернуть хотя бы тень былой власти. Положение, казалось бы, резко изменилось после убийства Аврелиана. Через какое-то время после случившегося именно сенат, а не армия избрал нового императора. Однако это было вызвано не изменением вектора политического развития, а конкретной ситуацией.

Убийство Аврелиана во время его нового восточного похода в 275 г. явилось результатом заговора в его собственном окружении (SHA. Aur. 36. 4–6; Aur. Vict. 35.8; Epit. 35.8; Zos. I. 62. 1–3; Zon. XII. 27). Обстоятельства этого заговора принципиально отличаются от ситуации с заговором против Галлиена. Тогда заговор возник в среде высших военачальников, с которыми, возможно, были связаны и сенаторы³. Теперь инициатором заговора выступил некий не то Мнестей, не то Эрот. Возможно, что на деле это два имени одного человека или результат небрежного прочтения латинским автором греческого μνηστής (осведомитель), что совпадает с его должностью⁴. «Флавий Вописк» называет этого Мнестея секретарём по тайным делам (notario secretorum) и, как говорят некоторые, вольноотпущенником. По Аврелию Виктору (Caes. 35.8), он был слугой (minister), а по автору «Эпитомы» (35.8) и Евтропию (IX. 15. 2), рабом (servus). Как бы то ни было, он принадлежал к ближайшему окружению императора, а его действия были вызваны чисто личными причинами: он испугался наказания то ли за какие-то свои действия, то ли за оплошности. Все авторы, которые относительно подробно рассказывают об убийстве Аврелиана, передают детали заговора очень похоже. Мнестей-Эрот составил фальшивое письмо от имени императора, в котором упоминаются люди, якобы приговорённые Авре-

¹ Dietz K. *Senatus contra principem*. München, 1980. Passim.

² Bats M., Benoist S., Lefebvre S. *L'empire romain au IIIe siècle*. P., 1997. P. 119–121.

³ Это – тема отдельной статьи.

⁴ Groag E. Domitius // RE. 1903. Hbd. 9. Sp. 1402; Paschoud F. Notes // Zosime. Histoire nouvelle. P., 2000. T. I. P. 179.

лианом к смерти. Показав это письмо названным там людям, он убедил их убить императора. Зная близость Мнестея-Эрота к Аврелиану и жестокий характер самого императора, эти люди ничего не заподозрили, и в результате Аврелиан был убит. Те, к кому инициатор заговора обратился, разными авторами называются по-разному. Для Аврелия Виктора это были трибуны (*tribuni*), для автора «Эпитомы» – просто военные (*militares viri*), у Зосима говорится о телохранителях (*τῶν δορυφόρων*), у Зонары – о *δυναστών*, т.е. в данном случае, скорее всего, о командирах. Непосредственным убийцей был некий Мукапор (SHA. Aug. 25.5; Aug. Vict. Caes. 36.2). Его имя – фракийское⁵. У Аврелия Виктора он назван *dux*. Мукапор мог принадлежать к командирам воинских соединений, созданных в результате военной реформы Галлиена и сохранявших свой этнический характер. И Галлиен, и Клавдий, и Аврелиан на эти части возлагали особые надежды. «Флавий Вописк» приводит письмо, посланное Аврелианом этому же Мукапору, в котором он жалуется на трудности войны с Зенобией (SHA. Aug. 26. 2–5). Даже если это письмо не подлинное, выведение Мукапора в качестве его адресата говорит о близости этого человека к Аврелиану. Таким образом, вероятнее всего, перед нами, действительно, командиры среднего ранга⁶, хорошо знавшие императора и довольно близкие к нему, чтобы иметь возможность осуществить свой замысел. В любом случае ни о сенаторах, ни о высших военачальниках речи не идёт.

За пять с половиной лет своего правления Аврелиан создал мощную систему личной власти, в которой практически не было места никому, кроме самого императора. Поэтому его неожиданное убийство создало политический вакуум. И армия, и её высший командный состав растерялись. Что касается заговорщиков, то они стремились лишь спасти свои жизни, и поэтому у них не было никакой кандидатуры на трон. В такой ситуации единственным институтом, ещё сохранявшим хотя бы тень авторитета, явился сенат. И из армии, как пишет Аврелий Виктор (Caes. 35.9), были направлены послы в Рим, чтобы сенаторы избрали императора по своему усмотрению (*uti suoapte arbitrato patres imperatorem deligerent*). Инициаторов этого демарша автор называет *milites*. Биограф Аврелиана, рассказывая о том же самом, говорит об *exercitus* (SHA. Aug. 40. 1–2). Создаётся впечатление, что к сенату обратились рядовые воины через головы своих командиров. Речь идёт, конечно, о военной сходке (*contio*), выражающей волю армии⁷.

А дальше началась «игра в пинг-понг»: сенат возвращал право избрать императора войскам, а те снова передавали это право сенату, и это повто-

⁵ Syme R. *Emperors and Biography*. Oxford, 1971. P. 243; PLRE. I. P. 609.

⁶ Drinkwater J. *Maximinus to Diocletian and the «crisis»* // CAH. 2005. Vol. XII. P. 53.

⁷ Махлаюк А.В. Солдаты Римской империи. Традиции военной службы и воинская ментальность. СПб., 2006. С. 208–227.

рялось трижды. Сенат оказался столь же неготовым к избранию императора из своей среды, как и армия. Биография Аврелиана заканчивается характерными словами: «Римский народ любил его, а сенат ещё и боялся» (*populus eum Romanus amavit, senatus et timuit*) (SHA. Aur. 50.5). Это не могло не сказаться на поведении сената. Сначала он не решился принять предложение войска из страха перед ним (SHA. Aur. 40, 3). Наступило междоусобице, когда, по словам «Флавия Вописка», весь мир управлялся сенатом, воинами и римским народом (*sub iudicio senatus et militum populi que Romani*) (SHA. Tac. 2. 2). Автор восторгается этим временем, когда царило согласие в армии, народ оставался спокойным, и не возникло никакой попытки узурпации. Из текста непонятно, каким образом осуществлялась эта гармоничная власть⁸. Да и реально ли такое сосуществование трёх инстанций – сената, армии и народа?

Обратим внимание на то, что Зонара (XII. 28) также упоминает эти три инстанции. Рассказывая о восхождении на трон Тацита, он сначала говорит о голосовании войска (*τὸ στρατικόν*), а затем уже о решении сената и народа (*γνώμη τῆς συγκλήτου τε καὶ δῆμου*). Таким образом, у Зонары, как и в биографии Тацита, народ выступает в качестве одной из властных инстанций наряду с сенатом, также вынося своё решение. Как известно, комиции фактически уже ушли в прошлое. Но никакого закона об их ликвидации не было. Последний раз они как законодательный орган выступают в правление Нервы, но в качестве избирательного органа (хотя и чисто формального) упоминаются и в III в.⁹ Поэтому нельзя исключить, что в смутное время политической неразберихи комиции снова собирались. В то же время использование термина *γνώμη* не позволяет утверждать, что речь идёт о формальном законе, принятом комициями, хотя и это не исключено, поскольку одно из значений этого слова, особенно в эллинистическое и римское время, – решение, постановление¹⁰. Может быть, всё же выбор историком этого слова говорит скорее о менее формальных народных сходках, чем об официальных собраниях, и о мнениях народа, чем о принятых официальных законах (или законе). Но, во всяком случае, роль народа в избрании императором Тацита весьма вероятна. А это косвенно может свидетельствовать и о его роли в политической жизни Рима в период междоусобицы. Разумеется, едва ли можно и нужно говорить о самостоятельной воле народа; скорее, об использовании её теми или иными политическими силами.

Судя по монетам, в период междоусобицы значительная роль в государстве принадлежала вдове Аврелиана Ульпии Северине. Возможно, она

⁸ По мнению И. П. Сергеева, в это время возродилась республиканская форма правления. См. *Сергеев И.П.* Римская империя в III в. н.э. Проблемы социально-политической истории. Харьков, 1999. С. 87.

⁹ *Бартошек М.* Римское право: Понятия, термины, определения. М., 1989. С. 78.

¹⁰ *Schultheß.* *Γνώμη* // RE. 1912. Hbd. 14. Sp. 1496–1499; *Berneker E.* *Gnome* // *Kleine Pauly.* 1979. Bd. 2. Sp. 822.

была дочерью Ульпия Кринита¹¹, которому более поздняя традиция приписывала усыновление самого Аврелиана (SHA. Aur. 14.4–15.1)¹². Северину выдвинул на первый план наряду с собой ещё Аврелиан. В 274 г. она получила титул августы, матери лагерей и сената¹³, как это, впрочем, имело место в отношении императриц начиная с жены Септимия Севера Юлии Домны. Её имя появляется на монетах наряду с именем Аврелиана. Необычное начинается после убийства Аврелиана. Её имя не исчезает с монет. Легенда SEVERINA AVG(usta) сохраняется в течение всего междоцарствия (в то время как Аврелиан уже не упоминается). Она сопровождается другой легендой – CONCORDIA MILITUM. Поэтому очень вероятен вывод, сделанный в сравнительно недавних исследованиях, что Северина, будучи женой, а затем вдовой популярного в армии императора, обладала огромным авторитетом в войсках. И этот её авторитет, видимо, во многом способствовал сохранению единства армии и политической стабильности в сложный период междоцарствия, а также тому, что не совершалось попыток узурпации¹⁴. Одна из монет, выпущенных непосредственно в самом Риме, изображает Северину с диадемой на голове, а на реверсе имеет легенду VENUS FELIX¹⁵. В римском мифе Венера выступает как прародительница Города, и отождествление с ней императрицы подчёркивает её значимость для империи. На другой монете Северина отождествляется с Юноной Региной¹⁶, воплощая, таким образом, римскую государственность. Если учесть авторитет Северины в войсках и то, что монеты отныне выпускались от её имени, можно предположить, что Северина играла какую-то роль и в управлении государством, а то и официально возглавляя его.

¹¹ *Groag E. Op. cit. Sp. 1353, 1355; Eck W. Ulpianus // RE. 1974. Spbd. 14. Sp. 939, 944; Winkler G. Ulpianus // Kleine Pauly. 1979. Bd. 5. Sp. 1045.*

¹² «Флавий Вописк» называет Ульпия Кринита потомком Траяна и утверждает, что Валериан за его заслуги хотел сделать его цезарем (SHA. Aur. 10.2). Надо заметить, что Евтропий (VIII. 2. 1) называет Траяна Ульпием Кринитом. Какое-либо родство с Траяном, «лучшим принцепсом», высоко ценилось (ср.: *Syme R. Op. cit. P. 100–101*), и подробный рассказ биографа об усыновлении Аврелиана Ульпием Кринитом должен был связать выходца из балканских «низов» со знатью (*Eck W. Op. cit. Sp. 939*). Ни надписи, ни монетные легенды не называют среди имён Аврелиана имени «Ульпий». Так что единственным основанием для рассказа об усыновлении могла быть женитьба Аврелиана на дочери Ульпия Кринита. Не исключено, что тесть играл какую-то роль в выдвижении зятя. Что касается самого Ульпия Кринита, то рассказ о его карьере, приведённый («Флавиум Вописком», явно выдуман или им самим, или каким-то его источником. В частности, Кринит никак не мог быть трижды консулом (*Eck W. Op. cit. Sp. 939*), хотя он действительно мог принадлежать к тогдашней знати.

¹³ *Groag E. Op. cit. Sp. 1400; Sotgini G. Aureliano // ANRW. 1975. Bd. II, 2. P. 1049; Eck W. Op. cit. Sp. 943.*

¹⁴ *Göbl R. Die Münzprägung des Kaisers Aurelianus. Wien, 1993. S. 29–30.*

¹⁵ *Sotgini G. Op. cit. P. 1049; Eck W. Op. cit. Sp. 944.*

¹⁶ *Eck W. Op. cit. Sp. 944.*

Если это так, то перед нами уникальный случай в римской истории¹⁷, который мог быть следствием автократии её мужа¹⁸.

По данным латинских источников, междуцарствие продолжалось от пяти до семи месяцев (SHA. Aug. 40.4; 1.1; 2.1; Aur. Vict. Caes. 36.1; Erit. 35.10). Однако эти цифры не выдерживают испытания хронологическими расчётами. Они показывают, что продолжаться междуцарствие могло не больше полутора месяцев¹⁹. По данным биографии Тацита, он был избран императором 26 сентября того же 275 г. (SHA. Tac. 3.2). М. Клавдий Тацит был уже довольно стар (SHA. Tac. 4–6). Зонара (XII. 28) говорит, что ему было 75 лет. В 273 г. он был ординарным консулом²⁰, а во время междуцарствия принцепсом сената (SHA. Aug. 41.5; Tac. 4.1 и 3). Был он довольно богат: его биограф оценивает его имущество в 280 миллионов сестерциев (SHA. Tac. 10.1). Являлся ли Тацит старым соратником Аврелиана и делал ли он вообще военную карьеру, сказать трудно²¹. «Флавий Вописк» пишет, что, когда возник слух, что его сделают императором, Тацит уехал в своё поместье в Кампании, где и пробыл до того заседания сената, на котором его избрали (SHA. Tac. 7. 6–7)²². О его пребывании в Кампании говорит и Зонара (XII. 28). Наличие слухов и явно тактический манёвр с отъездом могут свидетельствовать о шедшей подспудно борьбе различных группировок как в сенате, так и в армии. Так что избрание Тацита, несомненно, стало результатом какого-то компромисса, достигнутого за время

¹⁷ Правда, в Галлии некоторое время власть тоже принадлежала женщине Витрувии или Виктории, которая тоже чеканила монеты от своего имени (SHA. Trig. tyr. 21, 2–4), но это происходило в отколовшейся части империи, и её, как и других правителей Галлии, включали в число тиранов, т. е. узурпаторов.

¹⁸ И. П. Сергеев решительно выступает против предположения о какой-либо активной роли Северины, ссылаясь на то, что женщина не могла занимать какую-либо официальную должность. См. *Сергеев И.П.* Указ. соч. С. 87. Но он, на наш взгляд, не учитывает ни обстоятельств политического вакуума, возникшего после убийства Аврелиана, ни авторитета покойного императора в армии, который вполне мог распространяться и на его вдову, ни жёсткой автократии, установленной Аврелианом. Наконец, непонятно, почему, если Северина не играла никакой роли, её имя в течение некоторого времени не исчезло с монет.

¹⁹ *Groag E.* Op. cit. Sp. 1358; *Syme R.* Op. cit. P. 237–238; *Drinkwater J.* Op. cit. P. 53. Существует мнение, что междуцарствия вообще не было (*Paschoud F.* Op. cit. P. 180). Однако это мнение явно опровергается данными монет с упоминанием одной Северины после смерти Аврелиана (*Göbl R.* Op. cit. S. 30).

²⁰ *Бикерман Э.* Хронология Древнего мира. М., 1975. С. 233.

²¹ Существует мнение, что Тацит был выходцем из дунайской армии и в это время находился уже в отставке (*Syme R.* Op. cit. P. 247; *Drinkwater J.* Op. cit. P. 53). Но все аргументы сводятся к тому, что никто из авторов не указывает на его гражданское положение. Этого, однако, недостаточно для утверждения о военной карьере императора Тацита.

²² Автор говорит о двухмесячном пребывании Тацита в своём поместье, но это невозможно по хронологическим соображениям.

междоусобицы. Само избрание старца может говорить о таком компромиссе: правление старика давало время для поиска более подходящей кандидатуры. Недаром Тацит и Флориан рассматривались как междоусобицы (*interreges*) между Аврелианом и Пробом (SHA. Tac. 14.5). Вероятно, значительную роль в его избрании сыграла Северина²³.

Рассказ «Флавия Вописка» об избрании Тацита (SHA. Tac. 3.2–7.1) создаёт несколько странное впечатление. Сначала консул Великий Корнифиций Гордиан говорит о вторжении германцев, о трудном положении в Африке, Иллирии и Египте, о требовании армии избрать, наконец, государя. Всё это как будто предполагает избрание человека, способного к руководству армией и, во всяком случае, авторитетного для воинов. Но вместо этого единогласно выдвигается кандидатура Тацита, который, по его собственным словам, из-за своего возраста с трудом выполняет обязанности сенатора, привык к спальне и тени и совсем не способен воевать. Более того, он, Тацит, совсем не уверен, что войско одобрит его избрание. На это сенаторы ответили, что они избирают дух, а не тело, и делают его императором, а не воином (*imperatorem te, non militem facimus*). Ещё совсем недавно сенат отказывался избрать императора, боясь, что воины не согласятся с его выбором (SHA. Aug. 40.3), а теперь даже не обращает внимания на аналогичный довод. Если считать этот рассказ достоверным, то можно сделать только один вывод: речь идёт о разыгранном спектакле, в сценарии которого, может быть, активную роль играл сам кандидат. Он был человеком образованным (*litteratus*) и даже претендовал на родство с великим историком (SHA. Tac. 10.3). Поэтому он не мог не знать о комедиях, разыгранных в своё время Августом и Тиберием. Как и в тех случаях, притворный отказ должен был укрепить его авторитет. Это было и на руку сенату, усиливая его роль как органа, избирающего принцепса.

Из этого рассказа, как и из сообщения Аврелия Виктора (Caes. 36.1), создаётся впечатление полной независимости сената в его выборе. Однако Зонара (XII. 28) рисует иную картину. Он рассказывает, что сначала войско (*τὸ σπάρτιωκόν*) провозгласило Тацита императором, а затем уже он, будучи ещё частным человеком, прибыл из Кампании в Рим, где стал императором после решения сената и народа. Из этого видно, что возвышение Тацита проходило в два этапа. Сенат и народ вынесли своё решение только после того, как свою волю высказала армия. Почему армия высказалась за Тацита, не совсем ясно. Может быть, именно Северина, заранее договорившись с сенаторами, сыграла в этом главную роль.

Хотя роль армии в выборе Тацита, как мы видим, была значительной, сам факт выбора нового императора сенаторами из своей среды в тех условиях был очень важен. Биограф Тацита говорит о радости сената, что он вернул себе право избрания принцепса (*eligendi principis cura*) (SHA. Tac.

²³ Göbl R. Op. cit. S. 246. Anm. 71.

12.1). Ему вторит Аврелий Виктор (Caes. 36.1), прибавляя, однако, весьма важный нюанс. По его словам, эта радость была вызвана помимо прочего ещё и тем, что *eligendi principis cura* удалось вырвать у разъярённой военщины (*militari ferocia*). И ещё один момент: радость была почти всеобщей (*cunctis fere laetoribus*). Это *fere* несколько снижает впечатление от всеобщего ликования. Видимо, в Риме дело обстояло не так просто. «Флавий Вописк» передаёт версию, будто Тацит, когда ему была предложена власть, сказал, что императором лучше быть Пробу (SHA. Prob. 7.1). Конечно, это был лишь слух (*feratur*), но он мог опираться на уже существующее мнение. И не исключено, что в Риме уже была какая-то группировка, которая делала ставку на Проба. Недаром, когда после смерти Тацита и провозглашении императором нелюбимого сенаторами Флориана в Рим пришло известие о выдвижении Проба, по словам «Флавия Вописка», сенат высказался за него (*illum senatus optaret*), да и римский народ требовал (*peteret*) его признания (SHA. Tac. 14.3). Отношение просенатской историографии к Пробу ясно говорит о наличии в сенате пропробовской группировки. Для «Флавия Вописка» он – великий муж, лучший император, превосходящий своими доблестями всех своих предшественников, включая даже Августа, поскольку он за краткие годы своего правления совершил не меньше, чем Август, Траян, Адриан и все Антонины, а, если бы он правил дольше, то наступил бы золотой век (SHA. Prob. 21–23). В сборнике биографии Проб, как и Александр Север, предстаёт идеальным императором²⁴. Но и другие авторы не скупятся на похвалы. О выдающейся славе Проба пишет Евтропий (IX. 17. 1). Аврелий Виктор (Caes. 37.2) сравнивает его с Ганнибалом по знанию военного дела, умению воспитывать армию и закалять юношество. Даже Зосим (I. 71. 4), обычно довольно сдержанный по отношению к императорам того времени, пишет, что Проб правил прекрасно (*καλῶς*) и справедливо (*δίκαιως*).

Некоторые историки считают Тацита типичным «сенатским» императором²⁵. Но столь категорическое суждение нуждается в некоторой корректировке. Что сенат возлагал на нового императора надежду на возвращение чуть ли не ко временам августовского паритета, несомненно²⁶. И Тацит старался создать впечатление такого возвращения. На его монетах появля-

²⁴ *Johne K.-P. Kaisergeschichte und Senatusaristokratie*. B., 1976. S. 102.

²⁵ Например: *Штаерман Е.М.* Кризис рабовладельческого строя в западных провинциях Римской империи. М., 1957. С. 489; *Stein A. Claudius* // RE. 1899. Hbd. 6. Sp. 2876; *Mattingly H. The Imperial Recovery* // CАН. Vol. XII. 1939. P. 311.

²⁶ Как уже было отмечено в историографии, речь Флавия Никомаха, выступившего в сенате вслед за отказывавшимся от власти Тацитом (SHA. Tac. 6), является по существу манифестом сената и предлагаемой новому принцепсу правительственной программой. См. *Béranger J. L'hérité dynastique dans l'Historia Augusta* // *Bonner Historia-Augusta-Colloquium* 1971. Bonn, 1974. P. 13.

ется легенда *restitutor rei publicae*²⁷. Он не отказывается и от аврелиановского *restitutor orbis*²⁸, но при этом прежде всего претендует на восстановление традиционной государственности. Эту легенду нельзя не сопоставить с официальным лозунгом Августа о восстановлении государства (*res publica restituta*), освобождённого им от господства «факции». И трата им своих денег на государственные нужды, и различные моральные предписания (SHA. Тас. 10) также очень напоминают поступки Августа. На монетах исчезает выражение *deus et dominus*²⁹. В одной из надписей Тацит именует *verae libertatis auctor* (ILS. 591)³⁰. *Libertas* была излюбленной темой практически всех императоров, а также узурпаторов. Каждый претендовал либо на восстановление свободы, либо на её сохранение. Не стоял в стороне от этого и Аврелиан³¹. Но для Аврелиана, как и для его предшественников, свобода была связана с личностью самого императора – *Libertas Augusta*. Тацит же претендует на возрождение подлинной свободы, связанной скорее со свободной активностью сената, чем с деятельностью принцепса. Даже его претензия на родство с великим Тацитом и забота о сохранении и распространении его сочинений (SHA. Тас. 10.3) тоже говорит о демонстративной принадлежности к антиитерической традиции.

С другой стороны, Тацит подчёркивал преемственность императорской власти. Его первым делом после прихода к власти было наказание убийц Аврелиана, причем, как специально указывает «Флавий Веспасиан» (SHA. Тас. 13.1), как хороших, так и дурных (*bonos malosve*). Следовательно, для Тацита важны были не качества или мотивы убийц, а сам факт умерщвления правящего императора. Другим актом Тацита было обожествление Аврелиана (Eutrop. IX. 15. 2). В условиях отсутствия официального династического принципа наследования власти обожествление предшественника было важным средством легитимации его преемника³². Однако во время военной анархии, когда практически каждый император приходил к власти после насильственного устранения своего предшественника такой подход уже не годился, и обожествление не происходило. Только после убийства Галлиена Клавдий, явно исполняя волю армии, настоял на его обожествлении (Aur. Vict. Caes. 33.26; 29), но позже это решение было, вероятнее всего, отменено. Никаких следов обожествления Галлиена нет. Более того, известны случаи уничтожений имени Галлиена в надписях³³. Так

²⁷ Штаерман Е.М. Указ. соч. С. 490; Stein A. Op. cit. Sp. 2877.

²⁸ Stein A. Op. cit. Sp. 2877.

²⁹ Palberini L. Da Aureliano a Diocleziano // ANRW. 1975. Bd. II,2. P. 1023. N. 36.

³⁰ Alföldi A. Studien zur Geschichte der Weltkriege des 3. Jahrhundert. Darmstadt, 1967. S. 66.

³¹ Göbl R. Op. cit. S. 125.

³² Gesche H. Die Divinisierung der römischen Kaiser in ihrer Funktion als Herrschaftslegitimation // Chiron. Bd. 8. 1978. S. 377–390.

³³ Любжин А.И. Примечания // Властелины Рима. М., 1992. С. 364.

что первым *divus* после долгого перерыва стал сам Клавдий, бывший в хороших отношениях с сенатом и ставший первым после долгого перерыва императором, умершим не от меча, а от болезни. Теперь такой же посмертный удел ожидал и Аврелиана. Между тем сенат едва ли питал особое расположение к Аврелиану. Конечно, во время правления Аврелиана он неоднократно воздавал ему всяческие почести. Но это не говорит об искреннем отношении сената к императору. Уже не раз бывало, что чем большее раболепие сенаторы выказывали к правящему императору, тем с большим удовольствием они растаптывали его память. Достаточно вспомнить о Домициане. Аврелиана называли наставником, надзирателем (*paedagogus*) сенаторов (SHA. Aug. 37.3), и это едва ли улучшало отношение сенаторов к нему, даже если они тщательно скрывали это отношение. Возможно, что и наказание убийц, и обожествление убитого являлись условиями договорённости с армией, но в любом случае они подчёркивали значение самой императорской власти. В этом же направлении шло и переименование сентября, месяца, в котором он родился и пришёл к власти, в тацит (SHA. Tac. 13.6). Характерен использованный биографом глагол *iussit*. Такое возвеличивание в домициановском духе было результатом насильственных действий самого императора.

Какими бы ни были личные убеждения Тацита³⁴, время диктовало свои условия. И Тацит уже вскоре после прихода к власти столкнулся с сенатом. Он просил консульства для своего единокровного брата Флориана³⁵ (речь шла явно о консуле-суффекте, поскольку ординарным консулом в 276 г. становился сам Тацит вместе с Эмилианом³⁶), но получил решительный отказ сената, ссылавшегося на закрытие списка будущих консулов (SHA. Tac. 9.6). Как говорилось выше, избрание Тацита явилось результатом какого-то компромисса, в том числе и внутри сената. Одним из условий компромисса в сенаторской среде могла быть клятва нового императора при приближении смерти назначить преемником не кого-либо из своих детей, а наиболее достойного (*optimum aliquem*) (SHA. Tac. 14.1). Флориан, как показали последующие события, таковым для сенаторов (по крайней мере, для большинства) не был. И в попытке его назначения консулом сенаторы могли увидеть (и это, пожалуй, было справедливо) стремление Тацита обеспечить трон за своей семьёй. Биограф Тацита говорит, что такая независимая позиция сената обрадовала самого императора. Но последующие события по-

³⁴ Иногда полагают, что Тацит был приверженцем вековой сенаторской традиции. См. *Drinkwater J. Op. cit.* P. 54.

³⁵ Вопрос о родстве Флориана и Тацита сложен. Но всё же можно признать, что они были родственниками (*Sauer E.M. Annus Florianus: ein Drei-Monate-Kaiser und die ihm zu Ehren aufgestellten Steinmonumente* (276 n. Chr.) // *Historia*. 1998. Bd. 47.2. S. 175–176), скорее всего единокровными братьями, как и пишет «Флавий Випсис» (SHA. Tac. 17.4).

³⁶ Бикерман Э. Хронология Древнего мира. М., 1975. С. 233.

казали, что это совсем не так. Рассказывая о войне Тацита с готами, Зосим (I. 43. 1) называет участвовавшего в этой же войне Флориана τῆς ἀντὶ τῆς ὑπαρχῆς. Следовательно, получив отказ осмелевшего сената в назначении Флориана консулом, Тацит сделал брата префектом претория. Назначение на эту должность не требовало согласования с сенатом³⁷. Начиная с 235 г. префект претория являлся первым после императора лицом в империи³⁸. Так что Тацит, потерпев неудачу с назначением Флориана консулом, взял реванш, фактически сделав брата своим заместителем. Этот жест мог рассматриваться как вызов сенату и как демонстрация недопущения сената в сферу полномочий императора. Во время готской кампании Флориан командовал отдельной армией (Zos. I. 63. 1; Zon. XII. 28). Другого своего родственника, Максимиана, Тацит назначил наместником Сирии (Zos. I. 63. 2; Zon. XII. 28). Над Сирией постоянно нависала угроза персидского вторжения, так что наместничество в ней имело очень важное значение³⁹. Но дело было, видимо, не только в этом. Тацит был вынужден назначить командующим всеми войсками на Востоке (totius Orientis dux) Проба (SHA. Prob. 7.4)⁴⁰. Но, назначая Проба, который, возможно, был одним из кандидатов на трон во время междоусобицы, духом всего Востока, император, может быть, пытался уравновесить его фигурой своего родственника⁴¹. Таким образом, Тацит, назначая собственных родственников на важнейшие посты, следовал обычной практике своих предшественников⁴².

Ключевым при обсуждении взаимоотношений Тацита и сената является вопрос об отношении императора к эдикту Галлиена о запрещении сенаторам служить в армии. Решение его зависит от интерпретации пассажа Аврелия Виктора (Caes. 37.6). Говоря о возрастании силы военщины (militaris potentia) и о лишении сената права избрания принцевсов и военного командования, историк далее пишет: Quippe amissa Gallieni edicto refici militia potuit modeste legionibus Taciti regnante. Эту фразу можно перевести так: «Ведь когда в правление Тацита был отменён эдикт Галлиена, можно было восстановить войско с легионами, которые вели бы себя сдержан-

³⁷ Enßlin W. Praefectus praetorio // RE. 1954. Hbd. 44. Sp. 2394.

³⁸ Ibid. Sp. 2417.

³⁹ К этому мы вернёмся ниже.

⁴⁰ Эти сведения содержатся в приводимом «Флавием Вописком» письме Тацита самому Пробу. Посему вместе с отрицанием подлинности этого письма и вопрос о ранге Проба оставляют открытым, но всё же признают несомненным, что он командовал войсками на Востоке. См. Sauer E.M. Op. cit. S. 181. Anm. 28.

⁴¹ Вероятно, Тацит обратился к историческому опыту, почерпнутому им, в частности, у своего знаменитого тёзки, и вспомнил о казусе Германика и Пизона.

⁴² Sauer E.M. Op. cit. S. 176–178.

но»⁴³. И в таком виде она, несомненно, говорит об отмене Тацитом столь ненавистного сенаторам эдикта Галлиена⁴⁴. Но фраза продолжается: *neque Florianus temere invassisset, aut iudicio manipularium cuiquam, bono licet, imperium daretur amplissimo ac tanto ordine in castris degente* («и Флориан не совершил бы безрассудный захват власти, и по решению манипул не давалась бы власть всякому, даже достойному человеку, когда бы знатнейшее и великое сословие (т.е. сенаторы) находилось в лагере»). Следовательно, в момент захвата власти Флорианом, т.е. сразу же после смерти Тацита, да и позже во время различных военных мятежей, сенаторов в лагерях не было. Более того, далее (37.7) писатель обвиняет сенаторов в том, что они, наслаждаясь покоем и дрожа за своё богатство, поставили его и наслаждение выше устойчивости государства и расчистили путь солдатам и почти варварам. Эта фраза начинается усилительным выражением *verum* – «поистине». И это связывает общее обвинение сенаторов в полной пассивности с действиями Флориана и воинов того времени. Поэтому совершенно прав Р. Сайм, считая, что глагол *potuit* постулирует нереальность условия, высказанного в начале фразы⁴⁵. Эту точку зрения разделяют и современные исследователи, утверждая, что Тацит не изменил политику Галлиена и не вернул сенаторам право командования войсками⁴⁶. А это означает, что говорить о Таците только как об исполнителе воли сената⁴⁷, конечно же, нельзя.

Сенат мог рассматривать избрание Тацита как свою победу, но сам Тацит в своей деятельности «сенатским» императором ни в коем случае не был⁴⁸. Максимум, чего добился сенат, так это гораздо более значительное, чем при Аврелиане, уважение к себе и возвращение некоторых чисто формальных полномочий⁴⁹. Сами сенаторы могли считать, что власть вернулась к их сословию (SHA. Тас. 12.1), и отказ сената назначить Флориана консулом (чего, конечно, не могло бы быть не только при Аврелиане, но и при Галлиене) говорит об этом. Но последующие события показали иллюзорность подобных надежд и расчётов. В своё время Цезарь говорил, что существуют две вещи, которые защищают и умножают власть – войско и деньги, и друг без друга они немислимы (Dio Cass. XLII. 49. 4)⁵⁰. Но после реформы Галлиена у сената не было войска. Правда, в ведении сената оста-

⁴³ В русском переводе Аврелия Виктора (пер. В. С. Соколова) эта фраза звучит так: «В самом деле, с отменой эдикта Галлиена можно было возродить военную дисциплину, на что сдержанно согласились и легионы в правление Тацита».

⁴⁴ *Palberini L. Op. cit. P. 1022.*

⁴⁵ *Syme R. Op. cit. P. 241. N. 1.*

⁴⁶ *Drinkwater J. Op. cit. P. 54.*

⁴⁷ *Stein A. Op. cit. Sp. 2876.*

⁴⁸ *Сергеев И.П. Указ. соч. С. 87–89.*

⁴⁹ Ср.: *Ковалёв С.И. История Рима. Л., 1986. С. 654; Palberini L. Op. cit. P. 1023.*

⁵⁰ *Утченко С.Л. Юлий Цезарь. М., 1984. С. 315.*

валась государственная казна (*arca publica*) (SHA. Aug. 20.8). Однако жестокий финансовый кризис обесценивал это преимущество. В итоге у сената оставался только многовековой авторитет. А этого было слишком мало для осуществления им важной (не говоря уже о решающей) политической роли.

Хотя Тацит, если верить его биографу, заявлял, что он привык больше «к спальне и тени», ему пришлось уже очень скоро отправиться на войну. Очередное вторжение в римские пределы осуществили «варвары», жившие в районе Меотидского озера. Они пересекли его (как и, по-видимому, Понт Эвксинский) и вторглись в Малую Азию (Zos. I. 63. 1)⁵¹. Зосим называет их скифами. Речь идёт о довольно широкой коалиции причерноморских и приазовских племён, в числе которых были готы, а также сарматы или аланы⁵². Опасность была столь грозной, что Тацит не только сам двинулся во главе армии, но и создал вторую армию, во главе которой поставил Флориана⁵³. Римляне одержали ряд побед. Тацит принял гордый титул Готского Величайшего (CIL. XII. 5563) и выпустил монеты с легендами, прославлявшими эти победы⁵⁴. Оставив для окончания кампании армию Флориана⁵⁵, он со своим войском двинулся в Европу, когда вспыхнул очередной мятеж.

Назначение Тацитом Максимиана правителем Сирии сыграло в судьбе императора роковую роль. По словам Зосима (I. 63. 2) и Зонары (XII. 28), Максимиан в своей провинции творил произвол, что вызвало ненависть к нему. Её результатом стал заговор и убийство Максимиана. Зосим уточняет, что предметом грубейшего отношения Максимиана были *τέλη*, т.е. «власти». Что это были за «власти», историк не говорит, но то, что среди заговорщиков были и те, кто недавно участвовал в убийстве Аврелиана, позволяет говорить об офицерах. Затем, боясь наказания со стороны Тацита, они выступили против него. Тацит был настигнут мятежниками в Европе и убит. Евтропий (IX, 16) и Аврелий Виктор (Caes. 36, 2) не упоминают об убийстве, а просто пишут, что он умер, а в «Эпитоме» (36) уточняется, что он умер от лихорадки (*febris*). «Флавий Вонписк» приводит обе версии: одни говорят, что он погиб из-за коварства военных (*insidiis militaribus*), другие – от болезни (*morbo*). А далее он утверждает, что Тацит был «опутан интригами» (*factionibus*) и не нашёл в себе сил им сопротивляться (SHA. Tac. 13.5). Понятие *factio* многогранно; среди прочего оно включает «партию»,

⁵¹ Ременников А.М. Борьба племён Северного Подунавья и Пбднестровья с Римом и её роль в падении Римской империи. Казань, 1984. С. 37.

⁵² Буданова В.П. Готы в эпоху Великого переселения народов. М., 1990. С. 101–102.

⁵³ Назначение Флориана может говорить о недоверии Тацита к другим полководцам

⁵⁴ Буданова В.П. Указ. соч. С. 101–102.

⁵⁵ Sauer E.M. Op. cit. S. 182–183.

«группировку», но также и «мятеж». Однако в любом случае оно имеет негативный характер. Достаточно вспомнить начало «Деяний» Августа, где первый принцепс гордится освобождением государства от господства factionis (RGDA. 1). В любом случае речь идёт о каких-то коварных действиях, жертвой которых пал Тацит. Следовательно, причиной смерти Тацита была не болезнь⁵⁶. И в науке установилось мнение, что версия об убийстве Тацита солдатами единственно верная⁵⁷.

После смерти Тацита сенат, возможно, готов был вновь взять на себя избрание императора. Идея, что новым правителем должен быть не наследник в семье, а наилучший, т.е. наиболее пригодный к управлению государством человек, давно ходила в правящих кругах Рима. Эту идею в своё время выдвинул ещё Гальба (Tac. Hist. I. 15–16), и позже она была осуществлена при Антонинах. Добровольно или нет, но Тацит, как говорилось выше, дал сенату клятву назначить своим преемником «наилучшего». Как в действительности поступил бы Тацит, неизвестно. Но после его смерти императором стал Флориан. Аврелий Виктор (Caes. 36.2) пишет, что тот захватил власть без решения сената или армии (nullo senatus seu militum consulto imperium invaserat). И «Флавий Вописк» утверждает, что Флориан захватил власть не по решению сената (non senatus auctoritate), а по собственному побуждению (suo motu), хотя и знал о клятве брата (SHA. Tac. 14.1). И автор прибавляет: «как будто власть была наследственной» (quasi hereditarium esset imperium). Видимо, сам Флориан именно факт своего родства с Тацитом выдвигал в качестве основания для захвата власти. Позиция авторов сборника ясна: в соответствии со своими просенатскими настроениями они выступают против передачи императорской власти по наследству⁵⁸. То, что это не только подчёркивается в данном случае, но и противопоставляется клятве Тацита, говорит о том, что для сената возвышение Флориана было неприятным сюрпризом. Совсем недавно сенаторы решительно заблокировали его назначение консулом, а теперь должны были иметь дело с ним как с императором. В этих обстоятельствах ни о каком

⁵⁶ Можно, как кажется, привести косвенное доказательство этому. Тот же автор, как уже говорилось, пишет, что Тацит дал в сенате клятву при приближении смерти назначить своим наследником не своих сыновей, а «лучшего мужа» (SHA. Tac. 14.1). Но Тацит никого не назначил и, следовательно, не думал о смерти, что мало вяжется с версией о болезни.

⁵⁷ Stein A. Op. cit. Sp. 2875; Hanslik R. Tacitus // Kleine Pauly. 1979. Bd. 5. Sp. 494.

⁵⁸ Johnes K.-P. Op. cit. S. 102–103. Характерно, что приход к власти брата Клавдия Квинтилла именно из-за его родства с покойным императором не вызвал никаких отрицательных эмоций в сенате. Или выдвижение факта родства в качестве основания для наследования власти было для сенаторов лишь предлогом для неприятия Флориана, или мнимое торжество сената во время междуцарствия и при избрании Тацита чрезмерно повысило самооценку сенаторов, и они уже воспринимали реальность не вполне адекватно.

выборе «наилучшего императора» не могло быть и речи. Впрочем, как кажется, в сенате у Флориана были и союзники, которые присоединились к нему именно как к брату умершего Тацита (SHA. Prob. 13.3). Следовательно, в отличие от большинства сенаторов они признавали наследственный принцип передачи власти. Но они явно оказались в меньшинстве. Несколько иное впечатление оставляют сведения греческих авторов. Зосим (I. 64. 1) говорит, что Флориана избрали (ἐλομένῳ) те, кто находился в Риме, а Зонара (XII. 29) пишет, что Флориана провозгласили императором сенаторы в Риме. Из Зосима (I. 63. 1) известно, что Тацит, возвращаясь после своей победы над готами в Европу, оставил Флориана с армией довершать военные действия. Видимо, опираясь на свою армию, последний и объявил себя императором. А то, что Аврелий Виктор подчёркивает неучастие в этой акции солдат, может говорить об их пассивной позиции в тот момент⁵⁹. Сенат же был вынужден признать ненавистного Флориана императором. Тем большей была радость сенаторов, когда у Флориана появился чрезвычайно опасный соперник. Это был Проб, который разбил армию Флориана и сам стал следующим императором.

Вся история избрания и правления Тацита выглядит случайным эпизодом истории «военной анархии». Она на первый взгляд нарушает логику политического развития Рима в III в. Однако более внимательное рассмотрение всех событий показывает, что на деле вектор эволюции римского государственного строя остался тем же самым. Хотя роль сената несколько повысилась, в основном Тацит продолжал прежнюю политику. Даже при условии полной (добровольно или нет, неважно) лояльности армии вернуть себе прежнее место в государственной системе сенат не смог. Принципат как политическая система практически полностью себя изжил.

⁵⁹ Правда, в биографии Проба говорится, что Флориана сделали императором европейские войска (SHA. Prob. 14.4).